

Албанезе против Италии

[Albanese – Italy] (№ 77924/01)

Постановление от 23 марта 2006 г. [вынесено III Секцией]

Обстоятельства дела

Судебным постановлением, депонированным в канцелярии суда 26 июня 1998 г., заявитель и три компании, в которых он был компаньоном, были объявлены банкротами; как следствие, заявитель был внесен в реестр банкротов. Последовавшее затем комплексное производство по делу о банкротстве длилось до 25 октября 2004 г., когда судья прекратил производство с тем, чтобы произвести окончательную ликвидацию активов банкротов и распределение их между его кредиторами.

Согласно нормам итальянского законодательства по данному предмету, как они были предусмотрены в период времени, фигурирующий по делу, объявление частного лица банкротом влекло за собой определенные последствия для соответствующего лица, в частности, вся его корреспонденция должна передаваться управляющему конкурсной массой, на банкрота возлагается запрет на выезд с места жительства без разрешения судьи по делам о банкротстве, и приостанавливаются его избирательные права на весь период производства по делу о банкротстве с максимальным сроком пять лет с даты вынесения судебного постановления о признании его банкротом. Заявитель мог быть освобожден от ограничений при определенных условиях, в частности, представив доказательства своего продуктивного и последовательно безупречного поведения на протяжении, по меньшей мере, пяти лет после прекращения производства по делу о банкротстве.

Вопросы права

По поводу соблюдения требований статьи 8 Конвенции (что касается вопроса о соблюдении права заявителя на уважение его корреспонденции), статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (что касается вопроса о соблюдении права заявителя на беспрепятственное пользование своим имуществом) и статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции (что касается вопроса о соблюдении права заявителя на свободу передвижения). Возможные нарушения указанных норм Конвенции связаны с большой продолжительностью производства по делу, непрямым следствием которого они являлись. В соответствии с утвердившейся прецедентной практикой Европейского Суда действия, основанные на положениях Закона Пинто¹, являются средством правовой защиты, к которому заявители должны прибегать в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции. Заявитель поэтому располагал бы эффективным средством правовой защиты, если он обратился бы в соответствующий суд апелляционной инстанции на основании Закона Пинто с тем, чтобы обжаловать лишение его некоторых прав, вытекающее из факта признания его банкротом; основанием для

¹ В 2001 г. в Италии был принят так называемый закон Пинто (Закон № 89 от 24 марта 2001 г.), названный по имени предложившего его сенатора. Этот закон предусматривает ряд мер и установление процессуальных сроков производства по делу, позволяющих ускорить прохождение дела по судебным инстанциям (*прим. перев.*).

жалобы было бы, в частности, большая продолжительность производства по делу о банкротстве. *Жалоба в данном ее пункте признана неприемлемой для рассмотрения по существу ввиду исчерпания заявителем внутригосударственных средств правовой защиты.*

По поводу соблюдения требований статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции. Жалоба заявителя по данному вопросу не является явно необоснованной и неприемлемой для рассмотрения по существу по любым иным основаниям. Поэтому ее надлежит в данном пункте признать приемлемой.

Что касается существа жалобы по данному вопросу, то следует заметить: приостановление избирательных прав лица, объявленного банкротом, на весь период производства по делу о банкротстве, является актом явного вмешательства государства в осуществление этим лицом своих прав, предусмотренных положениями статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции. Таковое вмешательство было предписано законом. Что же касается вопроса о цели этого вмешательства, то Европейский Суд отмечает, что на производство по делам о банкротстве распространяются нормы скорее гражданского права, а не уголовного права, и поэтому не имеется в виду, что лицо, объявленное банкротом, совершило какой-либо обман или мошенничество. Цель ограничений избирательных прав такого лица является поэтому сугубо карательной. По этой причине, данная мера не служит никакой цели, кроме как унижить лиц, объявленных банкротами, наложив на них взыскание просто за то, что их объявили несостоятельными вне зависимости от того, совершили они правонарушение или нет. Ограничение избирательных прав поэтому нельзя считать мерой, преследующей правомерную цель в значении положений статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции (вынесено единогласно).

По поводу соблюдения требований статьи 8 Конвенции (что касается вопроса о соблюдении права заявителя на уважение его частной жизни). Жалоба заявителя по данному вопросу не является явно необоснованной и неприемлемой для рассмотрения по существу по любым иным основаниям. Поэтому ее надлежит в данном пункте признать приемлемой.

Что касается вопроса о применимости положений статьи 8 Конвенции по настоящему делу, то следует заметить: понятие «частная жизнь» включает в себя право личности устанавливать и развивать отношения с другими людьми, включая отношения в сферах профессиональной и коммерческой деятельности. В настоящем деле включение заявителя в реестр банкротов повлекло за собой ряд персональных ограничений, предписанных законом, на которые несомненно распространяется положение о «частной жизни» с учетом того, что эти ограничения отразились на его возможностях развивать свои отношения с внешним миром.

Что касается вопроса о совместимости предпринятых государством мер в отношении заявителя со статьей 8 Конвенции, то следует заметить: лишение заявителя его прав, вытекающее из факта признания его банкротом, совершенно четко образуют вмешательство государства в осуществление им права на уважение его частной жизни; данное вмешательство было предусмотрено законом и преследовало правомерную цель защиты прав других лиц. Что же касается вопроса, было ли такое вмешательство необходимым, то Европейский Суд замечает: лишение заявителя его прав не было осуществлено на основании какого-либо судебного решения, но стало автоматическим

следствием внесения заявителя в реестр банкротов, и оно не отменяется, пока он не исключается из этого реестра. Исключение из реестра производится по снятии ограничений – о чем лицо должно ходатайствовать – это лицо представит доказательства «продуктивного и последовательно безупречного поведения» на протяжении, по меньшей мере, пяти лет после прекращения производства по делу о банкротстве. Снятие ограничений прав лица, признанного банкротом, поэтому зависит, по сути, от морального суждения касательно достоинств и недостатков в его поведении. Ввиду того факта, что внесения заявителя в реестр банкротов было автоматическим и что реализация вытекающих из этого акта ограничений не проверялась и не изучалась судами, и с учетом продолжительности срока, требуемого до того момента, как ограничения могут быть сняты, вмешательство государства в осуществление заявителем права на уважение его частной жизни не было «необходимым в демократическом обществе» в значении положений пункта 2 статьи 8 Конвенции.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (вынесено единогласно).

По поводу соблюдения требований статьи 13 Конвенции. Данная норма Конвенции требует, чтобы лицу было бы доступно то или иное эффективное внутригосударственное средство правовой защиты, с помощью которого лицо могло бы добиться, чтобы соответствующий орган власти государства заслушал бы его могущую быть доказанной жалобу, заявляемую на основании Конвенции, и соответствующим образом загладить причиненный вред. В настоящем деле та часть жалобы, которая имеет отношение к персональным ограничениям, возложенным на заявителя, не является явно необоснованной и неприемлемой для рассмотрения по существу по любым иным основаниям. Поэтому ее надлежит в данном пункте признать приемлемой.

Заявитель поэтому имеет право на использование эффективного внутригосударственного средства правовой защиты в значении положений статьи 13 Конвенции. По мнению Европейского Суда, ни одно из средств правовой защиты, предусмотренных законодательством о банкротстве, не было таковым, чтобы с его помощью можно было бы обжаловать существование ограничений, налагаемых в связи с признанием лица банкротом, или продление срока их действия.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции (вынесено единогласно).

Европейский Суд отклонил требования заявителя о выплате компенсации за материальный ущерб и счел, что установление факта нарушения требований Конвенции само по себе является достаточной справедливой компенсацией любого причиненного заявителю морального вреда. Суд также вынес решение в пользу заявителя на основе принципа справедливости о возмещении судебных издержек и иных расходов, понесенных в связи с судебным разбирательством.